

Глава 40. Куньлуньская яшма. Часть 1

— Неужели в наши дни всё ещё выбрасывают детей на произвол судьбы? — Мэн Сю помрачнел.
— Даос Мин Юй — мужчина, но даже с мальчиком обошлись так жестоко. Сколько же тогда бросают новорождённых девочек? Как только покончим здесь, я попрошу наставника Тана составить прошение и направить его государю.

Поместье Чистой Святости славилось своей академией. И хотя сами Мэн давно не занимали высоких должностей при дворе, из этих стен вышло немало чиновников, сохранивших тесную связь со своей альма-матер.

— Ваше сострадание делает вам честь, Молодой глава поместья Мэн, — вздохнул Мин Юй. — Вот только вековые устои так просто не переломить. Боюсь, одним лишь прошением делу не помочь... Поймите меня правильно, я не хочу сказать ничего дурного о Его Величестве, но здесь даже императорская власть бессильна.

Мэн Сю опустил глаза и умолк.

Вскоре из головы отряда донёсся предостерегающий голос Шао Тан:

— Впереди гора Чанъян! Всем быть начеку!

Мэн Сю глянул вниз. Вдалеке показались склоны, изрезанные глубокими, хаотичными расселинами. Они походили на уродливые шрамы, безмолвно напоминающие о недавней катастрофе.

Вдруг на самой вершине горы он заметил крошечную белую точку, которая медленно двигалась.

"Белое пятно? Да это же тот незнакомец в белом! Значит, это действительно его рук дело!"

Мэн Сю торопливо указал даосу направление. Когда они подлетели ближе, мужчина в белом поднял голову и посмотрел прямо на них. В его мягкой улыбке сквозила ледяная жажда крови. В руках он бережно, словно сокровище, держал исполинскую голову Синтяня с плотно сомкнутыми веками.

— Плохо дело, у него голова Синтяня! — воскликнул Мэн Сю. — Неужели он разрушил печать?

Словно в подтверждение его худших опасений, густой туман за спиной незнакомца рассеялся, обнажив колоссальную фигуру. Это был не глиняный голем, каковых Синтянь призывал раньше, а настоящий великан из плоти и крови!

Обезглавленный исполин сжимал в руках тяжелый ростовой щит. На его торсе, покрытом коркой засохшей грязи и крови, виднелись глубокие рубцы, а бугристые узлы мышц так и дышали первобытной мощью.

Каждый шаг чудовища заставлял землю содрогаться, и она стонала под его весом.

— Синтянь... Он вырвался на свободу!

Голос Мин Юя задрожал. От нахлынувшего ужаса он едва не потерял контроль над духовными силами, едва не выронив Мэн Сю и зажатого под мышкой чёрного кота.

Мэн Сю, стараясь сохранять хладнокровие, негромко кашлянул:

— Если быть точным, это лишь его тело. Без головы Синтянь лишён разума, а значит, ведом лишь слепой яростью.

— Назад! Все назад! — зычно скомандовала Шао Тан. — Не приближайтесь к нему! Держать строй!

Услышав приказ Старшей сестры-наставницы, угасавшие духом даосы воспряли. Разрозненные облака тумана мгновенно устремились к центру. На бешеном ветру затрепетали расшитые перьями разноцветные одеяния, и над отрядом раскинулся сияющий защитный купол.

Мужчина в белом снисходительно наблюдал за их приготовлениями. Затем он небрежно взмахнул рукой на прощание и просто растаял в воздухе.

— Старшая сестра-наставница! — в панике закричал Мин Юй. — Он уносит голову!

Шао Тан глубоко вдохнула, не сводя напряжённого взгляда с наступающего великана. Ответ заставил себя ждать.

В этот момент Мэн Сю разжал руки, бережно опустив чёрного кота на землю с помощью мягкого потока духовной силы, и крикнул Шао Тан:

— Мы с даосом Мин Юем настигнем его! Я чувствую, куда он бежит. Ваша задача — сдержать тело великана. Не дайте ему прорваться к жилым поселениям!

— Наш долг перед людьми, — твёрдо отозвалась Шао Тан.

Кто-то из младших учеников, втянув голову в плечи, испуганно пролепетал:

— Старшая сестра-наставница... Быть может, нам лучше отступить и...

— Замолчи! — Шао Тан одарила малодушного ледяным взглядом. — Ради чего вы ступили на путь самосовершенствования?

— Путь...

— Чтобы обрести бессмертие, разумеется... — растерянно переглядываясь, забормотали даосы.

Шао Тан указала на беснующееся внизу безголовое чудовище. Её голос, чистый и звонкий, как удар горного хрусталя, отозвался в сердце каждого:

— Это — тоже путь. Лишь пройдя через горнило истинных испытаний, можно обрести божественность.

Лицо её оставалось безмятежным. Овеваемая яростными порывами ветра, в своём сияющем радужном одеянии она казалась величественной и отрешённой небожительницей, сошедшей на грешную землю ради великой битвы.

— Слушайте мою волю! — провозгласила она. — Построение — Облачный Строй!

Рукава даосских одеяний взметнулись единой волной. Ученики рассредоточились, занимая позиции согласно законам Восьми Врат. Их дыхание и внутренняя энергия в этом выверенном движении слились воедино, порождая непреодолимую общую силу.

Встав в средоточие строя, Шао Тан вскинула ладонь, подчиняя себе ярость штормовых ветров. Нисходящие потоки духовного света омыли её фигуру. Сила её возросла многократно, радужные перья на одеянии вспыхнули слепящим блеском, обнажая яростную решимость биться до конца.

— Черныш, — крикнула она коту, — поспеши в Пещеру Десяти Тысяч Феноменов. Предупреди главу школы!

Кот лениво лизнул лапу, сверкнув в темноте дикими жёлтыми глазами.

Дёрнув хвостом, зверь сорвался с места и стрелой помчался назад. Мгновение — и его чёрный силуэт растворился в клубах пыли.

Мин Юй, крепко держа Мэн Сю за плечо, оглянулся на соученицу:

— Старшая сестра, а как же мы?..

Сдерживая колоссальный натиск разъярённого великана, Шао Тан выставила вперёд дрожащую от нечеловеческого напряжения ладонь, словно упираясь в невидимую скалу.

— Помогай Молодому главе поместья Мэн! — выдохнула она, не оборачиваясь.

Мин Юй бросил быстрый взгляд на беснующегося в невидимых тисках Синтяня, стиснул зубы и кивнул:

— Летим!

— Туда! Тот тип в белом уходит на юг! — выкрикнул Мэн Сю. — Он движется не слишком быстро, мы успеем настичь его!

— Не приближайтесь к нему! — крикнул им вслед один из опытных наставников. — Держитесь на расстоянии и ждите подмоги!

— Поняли!

Мин Юй и Мэн Сю устремились на юг, несомые потоками ветра, кот Черныш мчался на запад, а Шао Тан с горсткой даосов отчаянно сдерживала первобытную ярость безголового титана. Но долго эта преграда простоять не могла.

Над миром сгустились грозовые тучи.

Шэнь Цинчжоу упорно шёл вперёд сквозь стену метели. Тяжёлое дыхание белым паром вырывалось из его груди, мгновенно застывая инеем на бровях и ресницах.

Маленький Сяо Ли весело порхал перед его лицом, неумолчно щебеча и, казалось, совершенно не замечая свирепого холода.

— Господин Куньюй, вас ведь так давно не было в наших горах! Где же вы пропадали? — допытывался он. — И братец Цинцяо тоже хорош: улетел когда-то и с концами. Владычице Си-ван-му даже пришлось самой спускаться с заоблачных круч, чтобы отыскать его след.

— Зверь Каймин погиб в бою, Луу стережёт ворота, братец Да Ли ни на шаг не отходит от Владычицы, а Инчжао беспробудно спит в самой глуши Висячих садов... На всей Нефритовой горе теперь остался я один. Весь Куньлунь опустел, былой жизни в нём совсем не чувствуется.

Малыш трещал без умолку, не требуя ответа. Ему просто отчаянно нужно было выговориться

кому-то живому после долгих веков безмолвия, иначе он просто лопнул бы от тоски.

После долгого пути птица вдруг опустилась на нетронутый наст, оставив на белизне крошечные крестики следов. Он робко задрал голову, глядя на грозный крутой холм, выросший перед ними, а затем испуганно отпрянул назад, ища защиты у Шэнь Цинчжоу.

— Господин Куньюй... — Сяо Ли испуганно втянул голову в перья и заговорил прерывистым шёпотом, в его бусинках-глазах застыл неподдельный страх. — Прямо за этим косогором лежит Алтарная терраса императоров. Господин Бучжоу строго-настрого запретил нам приближаться к ней. Дальше вам придётся идти одному.

— Ты так сильно его боишься? — невольно поинтересовался Шэнь Цинчжоу.

Птичка встрепенулся, отчаянно замотал головой и пискнул:

— Вовсе нет! Ни капельки не боюсь!

Пытаясь доказать свою храбрость, он комично выпятил грудь колесом, однако воспоминания о суровом хозяине террасы быстро вернули его к реальности. Птичка вмиг съёжился, превратившись в унылый пушистый комочек, и обиженно захлопал ресницами.

— Да и чего его бояться? — Сяо Ли затрепетал крылышками, стряхивая снежную пудру. — Конечно, Господин Бучжоу бывает строгим, нелюдимым и холодным, как ледник... но на самом деле он хороший. По-своему.

Он понурил голову и добавил совсем тихо:

— Если бы меня заставили охранять ту террасу, я бы умер от тоски на второй день. Проводить вечность в полном одиночестве, где нет ничего, кроме мёртвого белого безмолвия... Страшно даже подумать. А для Господина Бучжоу это долг. И то, что этой вечности не видно конца, для него — высшее благо.

— А если конец всё же настанет? — у Шэнь Цинчжоу болезненно сжалось сердце.

— Если наступит день, когда Господин Бучжоу сможет сойти со своего поста, — прошептал Сяо Ли, — это будет означать лишь одно: он умирает.

— Умирает?... — Шэнь Цинчжоу застыл, не в силах вздохнуть. — Но почему?!

Сяо Ли мотнул головой:

— Не знаю. Нам, младшим духам, не положено ведать такие тайны. — Он с любопытством уставился на Шэнь Цинчжоу: — Неужели и вы не помните? Странно. Ведь когда Владыка Си-хуан...

— Сяо Ли.

Раскатистый, ледяной голос оборвал его на полуслове. Птица мгновенно умолкла и благоговейно склонил голову в сторону вершины:

— Приветствую вас, Господин Бучжоу.

Шэнь Цинчжоу непроизвольно подался вперёд:

— Чжоу Фу!

Голос Чжоу Фу струился с высоты вечных снегов — величественный, чистый и непреклонный:

— Сяо Ли. Возвращайся к своим обязанностям. Огляди владения Куньлунь и проследи за здешними племенами. Особое внимание удели рогатым тварям из рода Тулоу, в последнее время они ведут себя чересчур беспокойно.

— Слушаюсь, Господин Бучжоу, — смиренно ответил Сяо Ли. — Улетаю.

Шэнь Цинчжоу впервые соприкоснулся с этой ипостасью своего друга. Тот казался неизблемым владыкой, древним божеством, чья воля беспрекословно правит этим суровым краем.

Но уже в следующую секунду он отбросил эти благоговейные мысли.

"Да какой из него грозный повелитель? Тоже мне, божество. Парень, который часами сидит и с глупой улыбкой разглядывает старые свитки, просто притворяется важным".

Птичка наконец решился вытащить клюв из сугроба, бросил прощальный взгляд на Шэнь Цинчжоу и, взмахнув лазурными крыльями, стрелой взмыл в небо, скрывшись за пеленой облаков.

Шэнь Цинчжоу оставался стоять в одиночестве. Время шло, но с вершины горы больше не доносилось ни звука.

— Чжоу Фу? — нерешительно позвал он в пустоту.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем до него долетел едва слышный вздох:

— Поднимайся.

Шэнь Цинчжоу судорожно сглотнул. Сердце в груди заколотилось с такой силой, что его стук эхом отдавался в ушах. Волнение накатило внезапной тяжёлой волной.

Сжав кулаки, он сделал первый шаг вверх по склону.

Алтарная терраса лежала на северо-западе Куньлуня, где царили вечная стужа и бураны. Странное дело: ни одна снежинка, ни одна ледяная крупца не коснулась его одежды. Они словно разумные существа огибали его тело стороной. Спустя несколько часов пути Шэнь Цинчжоу оставался совершенно сухим, не ощущая ни сырости, ни пронизывающего холода.

Он прекрасно понимал, чьих это рук дело. Суровый хранитель гор всегда проявлял к нему удивительную, почти незаметную заботу.

В этом краю не существовало сторон света, а день сливался с ночью в бесконечных сумерках. Вскоре каждый шаг стал даваться Шэнь Цинчжоу с трудом. Воздух сделался тяжёлым, словно холодная вода, сковывавшая движения и мешавшая идти вперёд.

Дыхание перехватывало, тело словно погрузилось в вязкое болото. Сознание заволакивало туманом.

— А-Чжоу.

Сквозь нарастающий гул в ушах он услышал тихий голос Чжоу Фу. Порыв ветра мгновенно унёс этот звук, но морок тут же отступил.

Усталость испарилась, разум прояснился. Шэнь Цинчжоу уверенно зашагал дальше — теперь казалось, будто сама гора раздвигает перед ним преграды, облегчая путь.

В его снах Алтарная терраса всегда представляла зловещей угольно-чёрной глыбой, но реальность оказалась иной: здесь безраздельно властвовал ослепительный, первозданный белый цвет.

Шэнь Цинчжоу тщетно пытался разглядеть саму террасу или фигуру Чжоу Фу. Белизна вокруг выжигала глаза, вызывая приступы дурноты. И когда впереди среди бесконечных снегов наконец мелькнуло тёмное пятно, он испытал глубокое облегчение.

Он бросился вперёд, но, приблизившись, понял, что обознался. Это была вовсе не терраса.

Перед ним зиял исполинский провал.

Шэнь Цинчжоу замер. Он ещё не успел разглядеть бездну во всех деталях, но в глубине его разума уже вспыхнуло древнее имя:

"Купол Бездны".

Тот самый таинственный разлом, о котором когда-то шептались ушедшие боги.

Поскольку Чжоу Фу не пытался его остановить, Шэнь Цинчжоу подошёл к самому краю. Лишь теперь он понял, что провал вовсе не был тёмным.

Это явление ломало все законы пространства. Провал оставался глубоким отверстием, с какой бы стороны на него ни взглянули — он не сужался и не искажался, словно двумерная проекция, но и сферой его назвать было нельзя. Невозможно было определить его истинные размеры, будто само понятие объёма не имело к нему никакого отношения.

Края бездны размывались в серой первородной дымке, но в самом её сердце переливался причудливый калейдоскоп неведомых красок.

Вспомнив давние слова Чжоу Фу о том, что этот разлом безопасен для живых, Шэнь Цинчжоу набрался храбрости и подошёл вплотную.

В глубине таинственного марева перед его глазами возникла невероятная картина.

Он никогда не видел ничего подобного. К небу взмывали исполинские, угловатые башни правильной геометрической формы. Их стены, безупречно гладкие и отражающие свет подобно зеркалам, были созданы из какого-то невиданного материала.

В вышине сияло солнце. Широкие, чёрные, как смоль, дороги змеиными кольцами опутывали весь этот дивный город, ветвясь и взлетая над землёй многоярусными эстакадами, похожими на застывшие радуги.

По этим путям с невероятным шумом мчались вереницы разноцветных металлических коробок на четырёх колёсах. Их скорость едва ли уступала полёту на духовном мече.

Среди этого безумного вихря двигались люди. Обычные люди из плоти и крови, ничем не отличавшиеся от него самого.

Они носили причудливые, непривычно короткие одежды, плотно облегающие тела. Почти все мужчины и даже некоторые женщины были коротко острижены, а на лицах прохожих — от юношей до глубоких старцев — почти не было бород.

Шэнь Цинчжоу застыл, не в силах осмыслить увиденное. Разум отказывался принимать этот невозможный мир, а глаза разбегались от обилия чудных деталей.

— Чжоу Фу... — заворожённо, точно в бреду, прошептал он.

— Я здесь, — глухо отозвался Чжоу Фу. Его голос донёсся словно из другой вселенной.

— Что это за мир? — спросил Шэнь Цинчжоу, не смея отвести взгляд от сияющего разлома. — Ты ведь... нарочно показал мне его?

Над террасой нависло долгое, тяжёлое молчание, прерываемое лишь тихим завыванием ветра. Наконец Чжоу Фу выдохнул:

— Да.

<http://bllate.org/book/18428/1868054>